



Эту историю я написал совсем недавно. Она про меня, про того меня, каким я был в детстве. Я помню, как мне не везло, как все надо мной смеялись, как мечтал я попасть в город Неудачников, где живут такие же, как я, простые неудачники.

Я не знал, что такой город есть. Я понял это потом, когда стал взрослым человеком. И тогда я осуществил свою мечту. Побывал в городе Неудачников. И свои приключения описал в этой повести.

Пусть никого не удивляет, что в этой истории мне всего двенадцать-тринадцать лет. В жизни и не такое бывает. Если понимать, что жизнь не только то, что происходит с тобой сейчас, а и то, что происходило раньше, и не с тобой, и будет происходить. И в мечтах мы часто возвращаемся в свое детство или, наоборот, воображаем себя взрослыми — и все это тоже жизнь, такая же настоящая, как та, что происходит на самом деле.

Поэтому все, что я написал в этой повести, — правда, самая настоящая, подлинная правда. А кто не верит, может сам в этом убедиться. Для этого достаточно пойти на любой вокзал, купить билет и отправиться в город Неудачников.

1. Я — неудачник

«...лаванда, горная лаванда, наших встреч с тобой...»

Это телевизор. Он за стеной, в другой квартире, но кажется, что поют здесь. У нас такая слышимость, что мы все друг о друге знаем. Живем одной семьей.

Иногда это хорошо. Иногда — плохо. Папа из-за «слышимости» не может защитить диссертацию. Это — хорошо. Не было бы слышимости — не на

что было б валить. На самом деле папе не дает хода начальник. У всех начальники как начальники. А у папы — глупый и завистливый. Папа делает за него всю работу, а он только получает зарплату. Вот он и не хочет, чтоб папа защитился и от него ушел.

«...мы получили письмо от работницы камвольной фабрики...» Это там, за стеной. А здесь — папа сидит над диссертацией и делает из скрепок цепочку. Потом он раскручивает ее над головой, как лассо...

А я лежу на диванчике, под сиреневым обояным пятном, и думаю о своей неудавшейся жизни.

«Может, это наследственное? — думаю я. — Может, я неудачник, потому что папа и мама у меня такие?»

Мой папа мог полететь в космос. Он работал в фирме по ракетам. Но ему не повезло. Однажды, когда он шел на работу, какой-то мужчина сломал ногу. Папа вызвал «скорую помощь», но она долго не приезжала. Папа не мог оставить человека в беде и опоздал на испытания. Потом, когда папу простили и прошло много времени, выяснилось, что этот человек был иностранец. Он написал в своей газете, какие у нас замечательные люди и какие скользкие тротуары.

Работа у папы была секретная, о каждой встрече с иностранцами он должен был докладывать. А тут он ничего не доложил. Он думал, что это не иностранец, а латыш. Кому интересно, когда латыши ломают ноги?

Папу вызвали для объяснения и стали задавать вопросы. Папа ответил, что он не знал, что это за человек: «На ноге у него не написано...»

И все бы, наверное, обошлось: папу ценили. Но в тот день американцы успешно испытали космический паром, и на папиной работе было жуткое настроение. Кому приятно, когда тебя обходят?..

Папе вспомнили плохую общественную работу, билеты на матч «Карпов — Каспаров», которые он забыл в камере ссорения...

Папа ответил, что лучше б они вспомнили не о билетах, а о самой камере, которая нуждается в серьезной доработке. Страсти накалились, папа выпилил и подал заявление об уходе с работы.

Мама не сказала папе ни слова. Она преподавала музыку в английской школе для особо одаренных. Среди особо одаренных был один мальчик, дедушка которого очень часто появлялся на фотографии в газете. Если бы мама поговорила с этим дедушкой, то папу не освободили бы от занимаемой должности.

Мама долго думала: поговорить или не поговорить? У нее на этот счет были свои принципы. Наконец она решила поговорить. Но тут освободили от занимаемой должности того дедушку.

Все эти события совпали еще с приходом моей бабушки из Томска. Дом ее сгорел во время взрыва цистерны, которую шофер оставил у палисадника. Еще он оставил в кабине цистерны недокуренную папиросу, от чего и произошел взрыв.

Бабушку я очень любил. До самой ее последней минуты, когда она провалилась в люк. То ли ограждения не было, то ли очки, которые ей выписали, оказались чересчур слабыми.

Мама заболела сердцем. К нам стали приезжать врачи. После них оставались красивые, словно елочные игрушки, ампулы. Потом выяснилось, что ампулы эти сняли с производства — они плохо влияли на почки. Мама, несмотря на это, выздоровела, а мы получили на новой папиной работе квартиру. Но нам не повезло с проектом. Дом был после капитального ремонта — и не предусмотрели лифт. Потолки высокие, под четыре метра. Напч четвертый все равно что шестой. После каждого подъема мама долго держится за сердце, сидит в кресле, пьет капли. А однажды я слышал, как она сказала папе, что лучше б она вышла замуж за Прохоренко, уехала бы с ним работать за границу, он бы сдувал с нее пылинки, вместо того чтоб тащиться с сумками на наш четвертый этаж. Папа ничего не ответил. Он делал из скрепок цепочку. Нанизывал одну скрепку на другую, цепочка становилась все длиннее и длиннее, пока коробка не опустела...

2. Я — законченный неудачник

Каждый год, в начале лета, когда надо собираться в лагерь, у нас отключают воду. Не всю... Холодную оставляют. Хочешь — мой голову, хочешь — стирай белье. Мама не хочет, чтоб я мыл холодной водой голову, — я и так часто простужаюсь, и отправляет меня мыться к бабушке, на Волочаевскую. Моя вторая бабушка — бывшая учительница по литературе. Сейчас она на пенсии, но живет полнокровной жизнью. Ходит в театры и всегда меня проверяет. Не повезло мне с бабушкой... Я еду мыться к ней через весь город.

Спускаюсь по нашему Старосадскому до «Ноги-на»... На метро, с одной пересадкой, до «Бауманской». А там — на трамвае...



Когда подходил к трамвайной остановке, то увидел толпу народа. Трамвая не было. Говорили, что ремонтируют мост через Язуу и трамваи пустили в объезд.

Я не стал дожидаться окончания ремонта и пошел пешком. Если быстрым шагом, то минут за двадцать можно дойти.

Около рынка меня нагнал синий «жигуленок». Он вильнул к тротуару, дверь открылась, и я узнал дядю Витю:

— Садись, подвезу.

Дядя Витя жил на одной площадке с бабушкой и очень с нею дружил. У бабушки был телефон, а у дяди Вити — нет!

— Мыться?..

Дядя Витя засмеялся моему удивлению:

— У тебя мочалка торчит!

Дядя Витя стал рассказывать, какие он купил рассады, как он пристроит к своему домику веранду — теперь можно... Дядя Витя очень хозяйственный. На его день рождения всегда открываются разные банки с солеными огурцами, перцами, баклажанами. Компот из вишни, варенье из черники и земляники. У него я ел варенье из черники и земляники, сваренных вместе.

Мы затормозили у светофора, дядя Витя стал настраивать приемник на «хорошую» музыку и вдруг — сильный удар в «зад»: Меня ударила спинка сиденья.

Когда мы выскочили из машины, то увидели распахнутый, словно пасть, багажник. Крылья были сняты в гармошку. Таксист, молодой паренек, держался рукой за ухо. Видно, и ему досталось.

Дядя Витя не кричал, не ругался. Он только

пытался закрыть багажник, все время приговаривая:

—...так-так... ого? ...вот как?.. а вот: так... как?

Паренек морщился от боли:

— Тормоза... с третьего качка...

Через улицу к нам шел милиционер...

Спустя часа три, с перевязанным веревками багажником, мы приехали на Волочаевскую. Бабушки я, конечно, не застал — она уехала к подруге, на «чашку чая».

Пришлось возвращаться домой непомытым.

Входя во двор нашего дома, я понял — неприятностей не миновать! Целый день я не звонил. Мама наверняка сидит в кресле и пьет валокордин. Папа нанизывает скрепки и не смотрит на маму. И оба они не смотрят на телевизор, который работает сам по себе... Жуть!

Я обреченно вздохнул и направился к подъезду.

— Вась!

Меня окликнул рабочий из булочной на Покровке по кличке «Шопен». Он рассказывал всем, какой у него был замечательный талант, как он играл Шопена на собственном рояле, и что из него могло выйти, если б он не потерял палец во время гражданской войны...

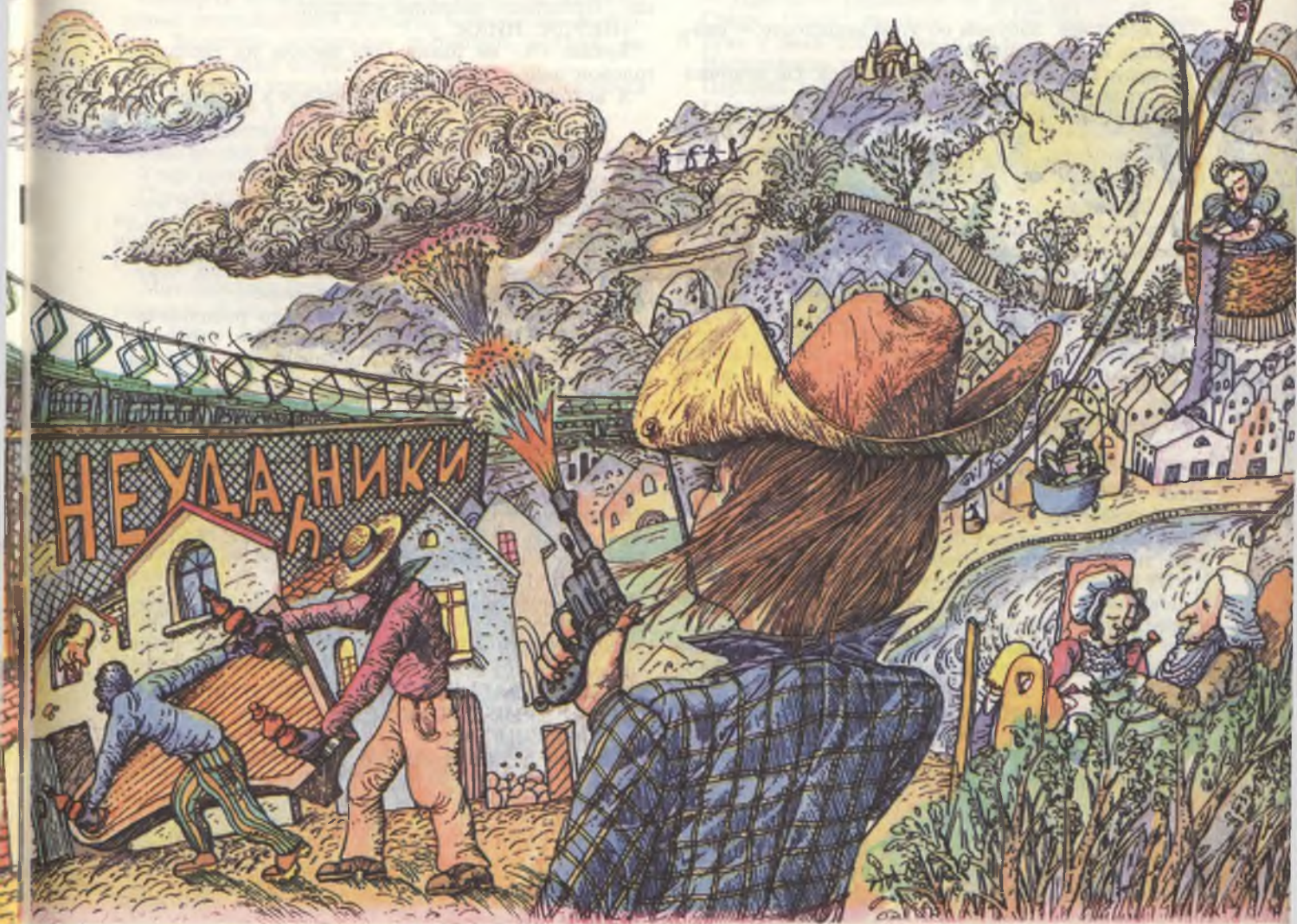
— Вась... Сахар не нужен?

Повезло! Я принесу сахар и скажу, что стоял за ним в очереди...

— Рублевка... На пиво не хватает... Здесь полкило...

Рублевка у меня была. Честно заработанные деньги. Выиграл в шахматы у отца.

Я дал Шопену деньги, от него сильно пахло пивом. И говорил он быстро, махая руками, раскланиваясь, будто на сцене.



— Лишнего не надо, Вася... не такой я человек... могу дать бесплатно... но, извини, надо... значит надо...

Он протянул мне твердый, будто надутый, пакет:

— На здоровьечко!

Дома меня встретили соответствующим образом:

— Как ты мог?! — сказала мама. — Не позвонить?! Я вся с ума сошла...

— Он совершенно не считается ни с кем, — сказал отец. — Он растет бессердечным эгоистом, таким и вырастет...

— Как ты мог? — снова сказала мать.

— Меня волнует одно — в кого он? — сказал отец.

Я не стал отвечать, «в кого я такой», они бы не поняли. Постепенно гроза пошла на убыль.

— Чай иди пить, — сказала мать.

— Руки помой! — мрачно сказал отец.

И тут я тихо подошел к столу и поставил бумажный пакет.

— Я в очереди стоял... за сахаром...

И опустил голову.

Отец и мать переглянулись. Я за ними следил.

— Это не оправдание! — сказал отец. — Не довод, понял?

— Позвонить-то можно, — сказала мать.

Они пересыпали песок в фарфоровую сахарницу. Мама налила всем чай.

— Все бывает, — сказала мама. — Я тебя прошу об одном. Звонить...

Мы молча размешивали сахар в стаканах. Каждый в своем. Мирно позвякивали ложечки. Кажется, пронесло.

— Ладно, — сказал отец. — Он сделал выводы. Да, Вася?

— Да... — сказал я.

— Вот и все. Забудем об этом инциденте, — сказал отец и отхлебнул чай.

И вдруг лицо его скривила гримаса. Он вскочил из-за стола и бросился в ванную.

— Что с тобой? — закричала мать. — Что случилось?

— Чай! — крикнул отец. — Чай!!

— Что?

— Солёный!

Я понял все. Шопен меня надул. Вместо сахара положил в пакет соль. Так мне и надо!...

Я встал из-за стола и молча пошел к дверям...

В ванной плескалась вода. Это отец полоскал рот после «сладкого» чая...

3. «Просьба к пассажирам — забывать свои вещи!»

Я шел по улицам города мимо веселых витрин, мимо празднично одетых людей, мимо смеха, магнитофонной музыки, запахов свежей листвы — мимо всего, что делает первый теплый вечер в городе таким замечательным.

«Ну почему мне так не везет?»

Девушка прыгала на одной ноге. Она хохотала. Туфелька ее соскочила и лежала, будто лодка, на боку. Два паренька отпихивали друг друга. Каждый хотел первым ухватить туфельку.

— Ха-ха-ха... Ха-ха...

И опять хохот. На этот раз с сиденья «Волги». Человек с полными сумками, вылезая из машины, уронил шляпу...

«Все хорошо, один я неудачник»...

Распахнулась дверь кафе. Музыка, разноцветные лучики, танцующие пары, хохот.

«Я неудачник, и все! Есть счастливые люди, а есть неудачники...»

И снова смех. Из окна второго этажа. Перегнувшись пополам, мужчина в майке бросает пачку сигарет... Внизу ее ловит моложавая старушка. Худая, похожая на Шапокляк... Рядом прыгает пуделек. «Вот бы оказаться в городе, где живут одни неудачники... Никто бы не смеялся надо мной, не обижал... Ведь неудачник потому и неудачник, что рядом есть более удачливые люди... А если кругом одни неудачники, тогда и прозвище теряет смысл...»

Не знаю, как оказался я на вокзале. Как сел в электричку, на теплый штaketник лавочки. Наверно, мысль моя неосознанно перешла в действие, и, не отдавая отчета, я пришел на вокзал, купил билет и сел в первый попавшийся вагон...

За окном мелькали домики, кружились березки, стояли у переездов разноцветные машинки — все там было хорошо. И здесь, в вагоне, все было хорошо. Вот едет мужчина с саженцами... Приедет на дачу, посадит саженцы. И дача у него есть, и саженцы. Или вот девушка с книгой. На обложке надпись: «Мы — советские люди». Тут и говорить нечего...

Стало темно. Поезд вошел в туннель... Заглись лампочки... Потом они погасли... Забрел свет... Ярче... ярче... Мы выскочили из туннеля...

Репродуктор зашипел, защелкал, и женский голос сказал:

— «СТАНЦИЯ «НЕУДАЧНИКИ»... Просьба к пассажирам — забывать в поезде свои вещи!

В окне показалась обычная дачная платформа... Проплыло название станции...

«НЕУДА...НИКИ...»

Буквы «Ч» не было. Она висела на гвоздике, головой вниз.

Я вскочил с лавочки и бросился к выходу.

4. Станция «Неудачники»

Я вышел на дощатый настил платформы. В воздухе висел туман. Влажный, густой. Его можно было потрогать рукой. Все было не в фокусе. Далекие горы с желтыми проплешинами полей, черепичные крыши, завитки дороги, море...

Светило солнце. Но тоже какое-то расплывчатое. Из тумана выпадали капли. Они отбивали барабанную дробь, подпрыгивали, разлетались на сотни осколков.

И тут я услышал треск мотоцикла.

Прямо на меня, по платформе, мчался мотоцикл с коляской. Мотор его работал короткими очередями, выплевывая черные густки дыма.

Мотоцикл затормозил, оставив на досках светлые полосы. С седла спрыгнул человечек в железнодорожном кителе и красной фуражке. Усы его торчали словно руль мотоцикла.

— БИИЛЕТ!

Я пошарил по карманам, но билета не оказалось.

— БИИЛЕТ!!

Я развел руками.

— ПОТЕРЯЛ? ЗАБЫЛ? ОБРОНИЛ? УЛЕТЕЛ? ВЫРОНИЛ? НЕ КУПИЛ? ПРОГЛОТИЛ?

— ПОТЕРЯЛ...

Человечек подскочил ко мне. Обнял. Внутри

у меня все хрустнуло. Подбросил, поймал, поставил.

— Здравствуй, брат... С прибытием тебя... В Неудачники. Единственный, неповторимый, самый лучший город на свете!

Он смахнул набежавшую слезу, прыгнул на заводику своего мотоцикла.

— Садись. Подвезу.

Я сел в коляску, и мы помчались по платформе, объезжая дыры и прогнившие доски.

Прямо по ступенькам съехали вниз, понеслись по тропинке...

Впереди шлагбаум. Мотоциклист прыгнул мне голову.

Мелкали картофельные огороды, пальмы, подсолнухи, кипарисы, кактусы...

Дорога петлями спускалась вниз. Пошли двухэтажные строения, появились люди...

Я всматривался в их лица, такие милые и родные. Вот они, жители города, такие же, как я, простые неудачники. Как хорошо оказаться среди своих!

Мы проехали мимо дома с висящим над входом огромным сапогом. Рядом с ним магазин «Концентраты»... Дорогу переходил рыцарь, на его копье болталась сетка с молочными пакетами. Пакеты протекали к радости кошки, бегущей за рыцарем по пятам...

Навстречу поднималась карета. На запятках стоял лакей. Он приветливо помахал нам рукой.

Мостовая пошла вниз, скорость возросла.

— Тормоза шалят! — крикнул водитель. — Ничего. Скоро подъём.

Но подъема все не было.

— Подождем, пока кончится горючее, — улыбнулся мотоциклист.

Скорость продолжала расти, несмотря на отчаянные переключения рычагов и нажатия на тормоз. Водитель попытался тормозить ногами, но только потерял ботинки.

Мы чуть не врезались в автобус, еле проскочили перед телегой с сеном.

Свистел ветер, из глаз текли слезы.

Как из-под земли вырос фонарный столб.

Удар пришелся на угол коляски.

Переломилось крепление, коляска закрутилась на месте, высекая из булыжника снопы искр, дернулась, еще крутанулась и наконец уткнулась в придорожные лопухи.

Мотоциклист посылал мне издали воздушные поцелуи. Я не сердился на него: чего не бывает? Ведь это — наш город. Город Неудачников!

5. Мария-Луиза

Я вылез из коляски. Подождал, пока перестанет кружиться перед глазами. Пели птички, пахло цветами и морем. Оно лежало внизу, как блюдо густенного молока. Кипарисы на берегу были узором по краям блюда.

Два негра вносили в дом рояль. Рояль не проходил...

Из окна второго этажа выглядывал хозяин рояля. Он улыбался, хотя, наверно, понимал, что роялю крышка! Тем более что крышка рояля лежала отдельно от всего остального.

Грузчики решили преодолеть препятствие с ходу.

Они разбежались.

Первый влетел в подъезд, раздался грохот — это бок рояля врезался в дверную раму.

Хозяин рояля тихо осел за подоконником.

Послышался хохот. Я и не заметил, как собрались зрители. Все смеялись.

Из подъезда вышли перепачканные негры. Они тоже смеялись. Один из них вдруг взглянул на меня:

— А ты чего не смейся?

— Я?

— Может, тебе не смешно? — спросил другой негр. — Скажи, парень, не стесняйся. Может, ты не такой, как все? Может, что-то про себя, а?

Я испугался.

— Что вы! — сказал я. — Мне очень смешно... Очень.

— Не нравится мне этот малый, — сказал первый негр, с белой щетиной по сиреневым щекам. — Ему явно невесело. Он там чего-то себе... Вроде, как бы... А на самом деле... А?

Ты прав. Риччи... Не смешно ему. Нет, не смешно. Не нравится ему в нашем городе!

Он поудобнее перехватил ножку рояля и направился в мою сторону. Теперь он держал ножку, как битую лапту, а роль мячика, видимо, отводилась мне.

Первый негр, с седой щетиной, наматывал на локоть струны. Или чтобы вязать меня, или своего товарища, если тот чересчур увлечется «игрой»...

Я попятился.

Негр шел на меня, поигрывая ножкой, сверкая веселыми зубами.

— Тебе не смешно?... Нет! Не смешно... Я это сразу заметил...

Он подтолкнул меня животом...

Оба захохотали.

— Прочь! — раздалось за моей спиной.

Сзади стоял паренек в ковбойской шляпе. В руке у него поблескивал кольт.

Нападавшие попятись.

Паренек выстрелил в воздух.

Грузчики бросились бежать. С небритого соскочила шляпа, он раздавил ее тяжелым ботинком, превратив в соломенную лепешку. Первый отбросил ножку рояля: так бежать было легче.

Паренек обернулся:

— За мной! Быстро!

Некоторое время мы шли молча.

— Как тебя звать? — спросил паренек.

— Вася.

— А меня Мария-Луиза. Мария — в честь мамы, а Луиза — в честь папы. Папину маму звали Луиза.

— Как?!

— Да. Я девчонка. Девчонка. Быть девчонкой... всю жизнь... Застрелиться можно.

Она взглянула на меня зелеными глазами, расхохоталась, подбросила в воздух шляпу, поймала, по-клоунски прилепнула к голове:

— Вперед!

И потянула меня вниз, под уклон улицы, в самую середину булыжного потока, который и вынес нас на набережную...

Девочки здесь прыгали через веревочку. Длинные платья были заткнуты за пояс, смешно плескались в воздухе панталончики.

— Хочешь прокатиться?

По склону холма спускались кабинки подвесной дороги.

Мы прыгнули в одну из них.

Мария-Луиза касалась меня локтем, шляпой,

кобурой, ногами,— ей не стоялось просто так, она перегибалась через борт, кричала:

— Эй, вниз! Приятного аппетита!

В палисаднике обедало семейство. Мужчины в жабо, женщины, дети...

Нас качнуло. Кабина остановилась. Повисли в воздухе и другие кабинки.

Потом мы поехали вниз, задом наперед.

Снова увидели мужчину в жабо. Он вытирал о скатерть руки...

Проскочили посадочную площадку, развернулись и стали подниматься вверх спиной по ходу движения. Механик на площадке удалялся от нас. Он хохотал.

— Бывает,— успокоила меня Мария-Луиза.— Однажды я до утра здесь сидела... Внимание...

Мы приближались к верхней площадке.

— Прыгай!

Она прыгнула первой, за ней я.

И сразу же кабинки остановились. На этот раз навсегда.

Но это не вызвало паники. Люди в кабинках улыбались, устраивались поудобнее. Монах в черной рясе достал из портфеля складной стульчик. Офицер вынул книгу. Барышня вязала...

— Пойдем,— сказала Мария-Луиза. Кое-что покажу.

Мы свернули с тропинки в колючий кустарник. Чтоб не поколоться, подняли руки. Так и шли, будто сдаваясь в плен...

И вышли к прогнившему забору.

— Вперед!

Пролезли сквозь дырку и оказались на заброшенной стройке. Осколки бетона, ржавые конструкции, горы песка...

— Узнаешь?

Сначала я ничего не понял. Какой-то холм. Из холма торчит ржавый угол. Все поросло травой и кустарником...

И вдруг я увидел: это голова человека — огромной, вдале уходящей скульптуры.

— Гулливер,— сказала Мария-Луиза.— Театр у нас строили, кукольный. Зал должен был размещаться в шляпе Гулливера.

Я поражаюсь размерам Гулливера: Ноги и руки его исчезали вдали. За холмами и лесами. Он как бы спал, лукаво улыбаясь во сне. Нос был подобен гигантской ракете. Из ноздри росла веселенькая березка...

Я снова посмотрел на город.

Отсюда, с холма, он хорошо был виден. Горы отделяли его от внешнего мира... Вот станция, на которую я приехал. Платформа, ниточки рельсов... Чуть выше, на поляне,— стога, пасутся коровки. Черные с белым. На них надвигается тень от облака. Надвинулась, яркость пятен поблекла... Еще выше — русло высохшей реки, арка каменного моста... Чуть выше, почти на уровне с нами,— плотина, из-под плотины вытекает зеркальный ручей. Плотина как бы протекала. По верху плотины — скульптуры, без рук и ног... Что там, за плотиной, не видно... А выше — горы. Синие, потом коричневые, в серых шляпах туч... К одной из вершин прилепился замок... Станный город. Даже не верится, что я здесь.

— Смотри! Смотри!!

Мария-Луиза показывала вниз.

Рядом с башенкой городской ратуши висел воздушный шар. Площадь в цветных точках. Это люди. Сколько их там!

— Вперед! — крикнула Мария-Луиза.

6. День птиц

Скоро мы были на площади, в самом центре толпы. Нас сдавили. Слева парень в фартуке, от него пахло кожами. Справа солдаты в кольчугах. Все вытягивали головы в сторону ратуши, где покачивался шар.

Мария-Луиза работала локтями, мы протиснулись вперед, к самому ограждению.

Шар был величиной с дом. Он состоял из многих цветных кусков, вроде лоскутного одеяла. Из стыков с шипением выходил воздух.

— Жуть! — сказала Мария-Луиза.

— Нормально,— возразил ей рядом стоящий мужчина.— В такие сроки лучше не сделаешь.

— Вы кто?

— Я мастер.

— Но он же разобьется.

— Не исключено,— улыбнулся мужчина.— От смерти никто не застрахован.

Он достал сигарету и хотел было закурить, но взглянул на шар и поспешно загасил спичку.

Шар накачивали водородом из стальных баллонов, какими у нас пользуются при газовой сварке. От баллонов к горловине шло множество шлангов. Через них со свистом поступал газ.

— Не хватает еще горелки,— сказала Мария-Луиза.— Представляешь, что будет, если поднести спичку!

— Эй! — обернулся долговязый сержант.— Попридержи язык.

Воздухоплаватель, в лихо сдвинутых очках, бриджах и куртке-дутике, прощался с семьей.

Вот он поцеловался с женой. Подкинул в воздух сына.

Стрекотали кинокамеры, сверкали вспышки фотоаппаратов.

Но они почему-то снимали не воздухоплавателя, а мужчину во фраке, с белой гвоздикой в петлице. Стоя на помосте, он произносил речь в огромный букет микрофонов:

— ...человек не будет просить милостыню у природы, он возьмет ее сам, а потом завоюет все околосолнечное пространство... Он будет парить, как Икар, в не доступной птицам вышине и силой своих крыльев бросит смелый вызов вселенной!

— Мэр,— кивнула Мария-Луиза.— Вперед!

Я не успел опомниться, как она перепрыгнула через канат и подскочила к помосту.

— Отмените полет!

— Что-что?!

Мэр милостиво остановил подбежавших полицейских.

— Отмените полет. Он разобьется!

Мэр от удивления развел руками. Он оглянулся на свою свиту, как бы приглашая их посмеяться над Марией-Луизой.

— Да вы знаете, какой сегодня день? — спросил мэр.

Он выдержал паузу.

— Сегодня же День птиц!!

И все дружно расхохотались.

— Да, да... День птиц. Именно сегодня, в День птиц, мы проведем этот неудачный полет! Самый неудачный полет в мире, который прославит наш город!

— Но шар пропускает воздух! Он может погибнуть!

— К сожалению. Но воздухоплаватель возьмет запасной баллон... И если...

Мэр подмигнул свите.

— ...и если наш герой не будет курить...



Свита дружно расхохоталась.

—...у него есть все шансы остаться в живых!..
Ну, а если...

Мэр вздохнул:

— Тогда он останется в наших сердцах. Навсегда, герои не умирают.

И, давая понять, что разговор окончен, он отошел к свите и во главе ее стал сходить с трибуны.

Мария-Луиза вернулась ко мне. Глаза ее сверкали.

Между тем наступали последние минуты церемонии.

Оркестр ударил марш. От горловины шара отсоединили шланги. Шар рвался в небо. Его сдерживал лишь канат, обмотанный вокруг каменной глыбы.

Воздухоплаватель подошел к корзине.

— Эй! — окликнула его Мария-Луиза.

Он оглянулся.

— Вы разобьетесь...

— Возможно, — ответил он. — Но я не делаю из этого трагедии...

— Почему?

— Я неудачник, — улыбнулся воздухоплаватель. — Значит, судьба...

Оркестр заиграл что-то протяжное... Все зацепили. Как мне объяснила Мария-Луиза, это был «Гимн неудачников». Слова гимна заглушала слишком громкая игра оркестра. Поэтому я мог расслышать лишь отдельные фразы...

«...не падай, приятель, духом... судьба-старуха, приятель, пускай себе идет... не в том, как говорится, дело... чтоб весело и смело... а в том, как говорится, чтоб пело все в груди...»

Не ручаюсь за правильное воспроизведение, но смысл был приблизительно такой.

Все пели дружно, с наслаждением, хотя и выходило не в рифму.

К воздухоплавателю подошел мэр и по-отечески обнял его. Снова застрекотали камеры.

Воздухоплаватель открыл дверцу корзины, сбросил оттуда веревочную, в несколько ступенек, лестницу. Он собирался забраться в корзину, но его остановили фотографы. Жестами они показывали, что первым должен подняться мэр — они хотят его сфотографировать.

Мэр протестовал, кокетливо отступал, но все же поднялся по лесенке. Застрекотали камеры, засверкали вспышки.

Мэр улыбался, смотрел в небо, брал и подносил к глазам бинокль, перегибался через борт, тянул на себя канат, подпрыгивал и хохотал...

И опять я не уследил.

Натянутый канат вдруг лопнул, корзина с недоумевающим мэром медленно поплыла вверх. Мэр истошно кричал.

Полицейские крутились на месте, они не понимали, что случилось, отчего лопнул канат. И только один из них, тот, долговязый, который предупреждал про «язык», тыкал в Марию-Луизу пальцем и орал:

— Держи ее! Лови! Вяжи! Бери!

Мария-Луиза крикнула мне:

— За мной!

Я рванул за ней, но запутался среди зрителей и потерял ее из вида...

Вскоре все разошлись.

На площади остались обрывки бумаги, фантики да несколько вялых зрителей.

Один из них, старик с тяжелым носом, подмигнул мне:

— Еще один неудачный полет сорван. Какая неудача!

7. Харчевня «Невкусной и нездоровой пищи»

Мы сидим за столиком харчевни. Низкие своды, влажно и сыро. Горят газовые лампы. Но все равно темно.



Столик — холодная плита на двух кусках дерева.

— Сорвали полет, — сказал старик. — Неудачный! За это по головке не погладят. Я все видел.

— Что видели?

— Как эта твоя подружка перерубила канат.

В глубине зала гуляла компания. Провизию доставали прямо из корзин. Черпали пиво из бочки.

— Все с собой привезли, — улыбнулся официант, — не доверяют...

Он поставил перед нами тарелки с едой и снова оглянулся на компанию:

— Празднуют непоступление. То ли в школу, то ли в академию...

— М-да, сударь, — сказал старик, заметив мое удивление, — у нас так заведено: любую неудачу праздновать.

Официант засмеялся:

— Вот именно...

Он снял с подноса керамическую посудину.

— Пять двадцать. Деньги вперед.

Старик расплатился, разлил половником суп. Запах не предвещал ничего хорошего.

— Не ешьте, — сказал старик, — это я так взял, для маскировки...

— Не нравится?! — спросил трактирщик.

Мы не заметили, как он подошел.

— Не вкусно? Да?.. А?.. Не вкусно?.. А-ха-ха!! Ну, повар... ха-ха! Ах-ха-ха!.. Что ему ни дай... ха-ха! Ах-ха-ха!

У старика затряслись руки. Я видел: он с трудом сдерживает себя. Но раздался топот сапог. По лестнице спускались военные. Сначала ноги, затем мосты... А вот и все остальное... Это были полицейские. Во главе шел долговязый сержант.

Они сели за соседний столик. Вынули фляжки. Достали из карманов хлеб, лук, помидоры...

— За неудачу! — сказал один из полицейских.

— Что?! — рассердился сержант. — Что ты сказал, Отто?!

— А что я сказал?..

— За эту неудачу с нас головы полетят!

— А я что? — оправдывался Отто. — Я так...

— Так растак! — не успокаивался сержант.

Они выпили, брызнули помидорным соком.

— Эх, Отто, Отто! — выговаривал сержант. — И голова у тебя хорошая — фуражка отлично сидит. А простых вещей не понимаешь. Сорвали полет... Не простой полет... А неудачный... Следовательно, должны понести наказание... Не будет неудачников, что будем делать?

Он покосился по сторонам и вдруг задел меня взглядом.

— Эй, мальчик, подойди-ка сюда! Откуда я тебя знаю? Не ты ли, случайно, в прошлом месяце пожар на этой... как ее... свиноферме загасил?.. Нет?.. А телегу на переезде... когда в нее чуть поезд... а?.. Не ты махал красной тряпкой?.. Нет?..

Отто наклонился к сержанту и зашептал что-то горячо, дергая от нетерпения головой.

— А что?! — хохотнул сержант. — Пусть следствие разбирается. Мальчик, пойді, милый, сюда. Ты зачем канат отцепил?.. А? Зачем шарик выпустил?..

Старик встал и, багровея носом, пошел на полицейских. Его палка отбивала дробь по каменному полу.

— Это мой племянник!

— Ну, ладно, ладно, — дал задний ход сержант. — Уж и пошутить нельзя. Сэр!.. Забирай своего племянника... Чтоб я его больше не видел... А то сыграете у меня. В «крестики-нолики». На оконной решетке.

И все громко заржали.



8. Замок с привидением

Когда мы вышли, над морем висела луна. Свет проникал в расщелины камней, ударял в стены, шевелился в листве.

— Найдется твоя девчонка,— успокаивал меня старик.— Найдется! Такие девчонки не теряются.

Мы поднимались все выше и выше, к замку, где жил старик.

Дорогу преградило бревно.

— Узнаешь?... Нет?... Это шпага Гулливера!

Я попытался разглядеть конец шпаги, но не смог: с одной стороны — лес, с другой — глубокий овраг. Где острие шпаги, где рука?!

— Рука там! — кивнул старик.— За Ведьминым болотом... Правая... А левую никто не видел... Такие вот, сударь, дела...

И он захохотал...

На стенах замка висели портреты. Они казались живыми. Улыбались, хмурились, провожали нас строгим взглядом...

И тут до меня дошло. Все эти лица — сам старик. Только молодой, в орденах и медалях.

— Да, это я,— улыбнулся старик.— Генерал Уильсон. Герой битвы при Лотреке...

Он ткнул пальцем в свое изображение на коне.

— Я переправил конницу по висячему мостику. Противник не успел даже надеть брюки... А потом, спустя много лет, выяснилось, что битву выиграл не я, а майор Лейбниц... Да, Лейбниц, который был у меня писарем. Писакой. Развозил пакеты, и то, когда не очень стреляли...

— Как?! — спросил я.

— У Лейбница был красивый почерк. Ему поручили написать книгу о войне. Вот он все победы приписал себе. А я приехал в этот город... Не выдержал. А где еще жить?

Старик захохотал.

— Здесь не принято грустить! А?... Какая история?... Какой романец с баталиями и пушечными?... А?! Ба-бах! Бах... Ха-ха-ха!! Ха!.. Бах!.. Ха-ха! Ха-ха!

Мне стало не по себе. Жаль старика. Выиграл битву и не смог справиться с каким-то писарем...

— Видно, судьба,— сказал вдруг старик.

Раздался бой часов.

— Одиннадцать?

Веселье старика как языком слизнуло.

— Пойдемте, сударь, ужинать. Пойдемте, пойдемте...

Стены столовой пропадали во мраке. Свечи не могли пробить темноту и добраться до потолка.

Как только мы сели, с противоположной стороны вошел болезненного вида юноша.

— Мой племянник,— представил его старик.— Мы всегда ужинаем вместе. Бедное дитя! Скоро ты будешь ужинать один.

— Ах, дядя! — сказал юноша.— Я это не переживу.

Старик наклонился ко мне.

— Мальчик рос один. Без отца и матери. Отец не вернулся из кругосветного плавания. Когда корабль отправился в путешествие и дал прощальный залп, лопнули шпангоуты и он перевернулся.

А мать... Была курьером... Кто-то неправильно написал адрес... Ее больше не видели...

Часы стали бить снова. Я насчитал тринадцать ударов.

Старик встал.

— Я пойду, господа...

Он вышел, волоча палку по полу. Невнятные бормотания оборвались, захлопнутые дверью.

— В нашем доме завелось привидение,— объяснил племянник.— Дядя ужасно боится. Где только его славное боевое прошлое?

Он встал.

— Слуга покажет вам комнату... А мой совет: не оставайтесь. В нашем замке всякое бывало...

Слуга ввел меня в спальню. Под балдахином стояла кровать.

Вышел.

Пляшут на стенах тени. Крики птиц. Шорохи.

Я разделся. Повесил брюки на спинку кровати. Звякнула пряжка. Забрался под тяжелую перину. Перина — сверху, перина — снизу. «Принцесса на горошине». Не нравится мне здесь. И замок, и таинственные шорохи, и привидение...

Началась гроза.

Сначала зашуршал дождь. Потом — гром, вспышки молний. Я хотел накрыться с головой, но раздался крик. Нет, я не могу больше здесь оставаться.

Я выбежал в коридор.

Жуткая картина предстала моим глазам.

По коридору бежал старик, а за ним летело привидение. В белом саване, ростом с хорошего баскетболиста.

Я застыл... Привидение наткнулось на меня, рухнуло. Отлетели в стороны ходули, простыня... И, к великому моему удивлению, я узрел племянника.

— Доездилися,— тихо сказал он.

И громко захохотал.

9. Меня заточают в крепость

На изумрудной траве около ступеней замка накрыт праздничный стол. Белоснежная скатерть. На дырки в скатерти мы поставили кувшин с молоком, масло, тарелки. Так что дырок почти не видно.

— А я-то,— хохочет старик,— чуть от страха...

Хохочет и племянник:

— Как я тебя разыграл?!

— Ты это... ха-ха... Чтоб наследство?!

— Ага...

— И алмазную звезду, ха-ха!

— Подойди, сынок!

Старик раскрыл объятия. Племянник бросился к нему. Но сэр Уильсон вдруг взмахнул рукой, и племянник заскользил задом по траве, пока не уткнулся в кусты.

— Ты чего?! Дядя?! Шутки не понимаешь?!

— Не повезло тебе, сынок.

— Это тебе не повезло,— с трудом поднимаясь, сказал племянник.— Я знаю, какую ты книгу по ночам пишешь... И про войну, и про Лейбница... Все знаю... А если кому рассказать... Какой ты

неудачник?.. Ты только прикидываешься! А сам?! Ты наш город позоришь! Единственный в мире! Нос старика побагровел. Он взмахнул палкой. Но племянник кинулся в кусты.

— Расскажу. Все расскажу! И зарядку по утрам делаешь! И на лошади едешь!..

Треск сучьев затих.

— Такие вот дела, сударь,— помрачнел старик.— Теперь жди гостей...

Он был прав. Вскоре пожаловали гости. Отряд полицейских. Но забрали они почему-то меня, а не старика...

Полицейский ведет меня вдоль крепостной стены.

Поют жаворонки, пахнет сеном. Не верится, что в такой день у кого-то могут быть неприятности. Сверху послышался голос:

— Братцы!..

Мы подняли глаза.

На веревке, свисающей со стены, болтался человек в полосатой одежде. Веревка не доставала до земли, а прыгать с большой высоты он, видимо, боялся.

— Братцы, сенца подстелите!

— Еще чего? — строго сказал полицейский.

— Подстелите!

— Может, тебе еще лесенку подставить? Прыгай так, если смелый!

— А ты меня не подстрелишь?

— Во всех стрелять — патронов не напасешься. У меня вон свой дружок есть.

Заключенный вздохнул, оттолкнулся ногой от стены и отпустил веревку.

Приземлился и заковылял прочь.

И тут же на стене возник часовой.

— Стой! Стрелять буду!

Он бабахнул из ружья — мимо... Еще — мимо!.. Мимо!.. Мимо!.. Мимо!..

И расстояние было плевое, и заключенный хромал, но часовой все никак не мог попасть.

Рядом с часовым возник офицер.

— Мазила! — заорал он.— Расстреляю!

Он выхватил из кобуры револьвер и стал шаркать в заключенного. Но тоже не попадал.

Офицер с недоумением взглянул на свой револьвер.

— Неужели выдали холостые?

Он приблизил дуло к виску и выстрелил.

Ничего особенного не случилось... Только лицо покрылось пороховой копотью.

И оба захохотали...

Во дворе крепости творилось что-то немыслимое. Кто шагал строем, кто боролся с тяжелыми мешками, кто подтягивался на перекладине.

Следуя стрелке «начальник крепости», мы прошли внутрь толстой стены, спустились по узкой винтовой лестнице, снова поднялись и, наконец, подошли к дверям кабинета.

Дверь была приоткрыта, хорошо был слышен весь разговор.

— ...Не крал я, ваша милость... ей-ей, не крал... это в суде перепутали... писарь не так записал... вместо «у меня украли»... написал «я украл»...

— А я что могу сделать?.. Теперь это бумага, документ, и согласно этому документу я должен тебя здесь держать...

— ...Но я не крал...

— ...А документ?

— ...Перепутали.

— ...В документе не может быть перепутано. Печать есть, подпись, число. Что тебе еще надо?

— Но я не крал.

— Вот заладил... И срок у тебя небольшой. Всего три года. Пролетят, как минута. Не успеешь оглянуться... уж и выходить пора... На солнышко, на травку... Не то что мне... А?..

Комендант кашлянул.

— Двадцать лет в должности состою по ошибке... И приказ давно послали... Да почта так работает, никак не дойдет тот приказ... И то, вишь, не грущу, мил человек... Привык... И ты привыкнешь...

— Но я не крал, ваша милость...

— Ишь заладил... С тобой душевно, от чисто-го сердца... А ты: «не крал», «не крал»... Уходи с глаз долой, пока я тебе срок не добавил... Следующий!

Следующими были мы.

Полицейский долго рассказывал суть дела. Как он встал утром, побрился, каким маршрутом ехал на работу, какая была погода, как он услышал песенку и что при этом вспомнил: как тоже был маленьким, как мама пела, а бабушка пекла ватрушки с творогом, а он однажды выковырял весь творог, и как при этом рассердился папа, который работал лесорубом, он как раз пришел из леса с огромной корзиной лисичек. Их было в то лето не счесть, а мама, которая стирала белье...

Тут комендант не выдержал.

— Ближе к делу!

Полицейский улыбнулся, собираясь, видимо, начать все сначала. Но плита в полу приподнялась, и в отверстии показалась обросшая гривой голова. Голова держала саперную лопатку.

— Где я?!

Увидев коменданта, голова тут же нырнула обратно.

— Пойдите! — закричал комендант.— Родригес Ривейро Себастьян Эсперанто Вивальди Карпендрус Попандопуло!

Но головы и след простыл.

Комендант улыбнулся.

— Бедняга... его давно освободили, а он все подковы делает. И никак ему не сообщишь. Пока полное имя выговоришь, уж и след простыл... А вы еще здесь?.. В камеру мальчишку!

— Отпустите,— сказал я.— Что я сделал такого?

— Ну и люди! — усмехнулся комендант.— Хоть бы один виновным себя признал...

Полицейский стал шарить в поисках ключа от наручников, но ключ не находился.

— Нет ключа? — спросил комендант.— Придется и вам пройти в камеру... Посидите годок, авось найдется.

И он весело засмеялся собственной шутке...



10. Побег

В камере нас человек десять. У каждого своя история.

— ...копаем, копаем — воду ищем — нет воды... и вдруг... как жажнет из-под земли фонтан... черный, жирный... Я кричу: нефть! Это же, братцы, нефть... А они — какая нефть?.. Здесь по плану вода! И в трубы ее. В городскую баню... Люди моются, хохочут... Черные, как негры... Не выдержал я... Подошел ночью к водяной колонке. Открыл кран и спичку — туда!.. Ка-ак эта вода ша-рахнет... Небо осветило, как днем. Ну, а меня, стало быть, за поджог водопровода... Ха-ха...

Тяжелая дверь открылась:

— Кто тут новенький? На выход!

Скованные наручниками с полицейским, мы вышли.

Смотритель подмигнул:

— Князь в гости просит.

Мы прошли по коридору, смотритель осторожно постучал в обитую кожей дверь.

— Разрешите, Шота Гонотарович?

— Открыто! — раздался красивый тенор.

Мы вошли.

Конечно, вряд ли роскошные апартаменты можно было назвать камерой. Ковры, белый телефон, белая, опять же, кровать. Телевизор с огромной линзой. На столе зелень, капуста, перец, рыба, графины с вином...

— Шашлыки прикажете внести? — спросил смотритель.

— Постой. Куда торопишься? Нам еще сидеть и сидеть...

И князь весело рассмеялся. Ему вторил визгливый смех смотрителя.

Все было вкусно. Я лопал за обе щеки, хватал с тарелок двумя руками. Князь сразу освободил меня от наручников и разорвал нашу с полицейским связь. Он достал из тумбочки связку ключей, и среди них, конечно, нашелся и от наручников. Заметив мой взгляд, князь небрежно бросил:

— Чтоб каждый раз к коменданту не бегать. — И помахал связкой.

Князь с улыбкой наблюдал, как мы утоляем голод, а потом, капая вином с усов, поведал о своих невзведениях:

— ...сын у меня... У всех сыновья как сыновья. Неудачники! А мой... В пастухи пошел... «Хочу, — говорит, — отец, честно жить!» Ну, мало ли идиотов?.. Поехал мой брат от первой матери в горы на шашлык... Кто же, когда в горы на шашлык едет, шашлык с собой берет?.. Ну, подходят они к моему идиоту... «Привет»... «Привет...» — «Дай нам вон того, испачканного, с отметиной на задней ноге...» «Нет, — говорит мой идиот, — не дам...» «Он все равно испачканный, дай...» «Не дам», — говорит мой идиот... «Ну, дай того, плешивого...» — «И этого не дам...» — «Тогда ту, хроменькую, которой все равно не жить?!» «Не дам...» — говорит мой идиот.

Брат жены со всеми друзьями прямо с гор ко мне. Как снег на голову. «Слушай,— говорят,— Шота... Мы думали, человек ты, а теперь, когда ты сына такого вырастил... У всех — дети как дети... А твой...» И — бац! Моего лучшего петуха, как бешеную собаку, подстрелили... Кровь ударила мне в голову. Купил я пушку... Подкатил к дому брата... И — на клочки! Ну, схватили меня. Мне, конечно, плевать... Судья — родной шурип племянника... А если б и не был шурином, то стал... Когда есть деньги, и шурином могут стать, и братом, и сестрой... Шурип, судья этот... то есть... мне и говорит: «Я тебя, конечно, Шота, могу оправдать... За отсутствием улики... Поскольку все улики пушкой по ветру развеяны... Но лучше, дорогой... Посиди годок... Это в твоих интересах... Тут ты под охраной. Случись что, отобьем». Вот и сижу из-за сына, идиота. Чтоб маме его вместе с дедом отца...

И князь принялся вспоминать всех родственников, желая им всего самого-самого...

Плита в полу приподнялась, и показалась обросшая голова...

— Опять пол портишь,— недовольно сказал князь.— Опять перестилать?..

Голова увидела меня, исчезла, а на ее месте появилась Мария-Луиза:

— Бежим!

— Зачем бежать? — удивился князь.— Посидим, поужинаем. Потом я сам двери открою!

И он потряс связкой ключей.

— В следующий раз! — сказала Мария-Луиза.

Она потянула меня за брючину. Я спрыгнул в холодное подземелье.

11. Гулливер снаружи и изнутри

Мы сидим в дилижансе.

Мария-Луиза уговорила меня поехать к деду на мельницу. Отсидимся, подумаем, что делать дальше...

Напротив нас — дамочка в седом парике. Ее спутник — молоденький офицер. Душно... Офицер снимает кивер. Дамочка снимает парик... Смеются, хохочут. Рассказывают о своих неудачах в семье и на службе.

Еще в нашей компании старушка. На коленках узелок.

— Сынок мой погодой заведует,— объясняет старушка.— В горах служит. Какую погоду объявит, такая и будет. Ни разу не угадал. К нему вот еду, гостинцы везу.

Офицер хихикнул:

— Долго вы, мамаша, ехать будете. К морю наш маршрут, а не в горы...

Мы переглянулись. Мы ехали совсем в другую сторону.

Мария-Луиза наклонилась к переговорной трубке:

— Эй! Кучер! Куда едем?

— Куда, куда! — захохотал кучер.— На «кудыкину» гору.

— Останови! — крикнула Мария-Луиза.

Но кучер погнал лошадей.

— Останови, негодяй!

Кучер стегал лошадей. Нас швыряло из стороны в сторону. Мимо пролетел кивер офицера. Наделся на голову Марии-Луизы. Ей очень шло...

И тут что-то случилось. Нас бросило вперед. Треск, грохот...

Когда мы выбрались наружу, то увидели печальную картину. Все три лошади лежали на доро-

ге в одинаковых позах, будто сраженные пулями врага. Кучер ходил вокруг них и приговаривал:

— Чуть стеганешь кнутом... Валятся... Единым строем... И что за порода такая?..

Раздались гудки. Гудела легковая машина, которой мы преградили дорогу.

Из легковушки вышел человек, прошел сквозь дорожную пыль, и мы узнали все того же сержанта.

— Родные мои,— обрадовался он.— Голубки. Прилетели, родимые...

Он достал наручники:

— Ну, идите, милые, окольцовываться...

Мы не стали «окольцовываться», а бросились бежать...

Мы бежали мимо гор мусора, мимо изъеденных ржавчиной карет, к высокому забору.

Нырнули в дырку...

Перед нами — Гулливер. Огромная голова повернута в профиль. Губы улыбаются. Из ноздри лезет веселенькая березка.

— Ах, вот вы где? Мои любимые, пташечки дорогие, человечки настоящие!

Сержанта показывал свой портрет в раме забора.

— Вперед! — скомандовала Мария-Луиза.

Натыкаясь на осколки бетона, мы побежали к голове Гулливера. Мария-Луиза взобралась на мочку уха, протянула мне руку...

Перед нами зияла черная таинственная дыра ушной раковины. Легкий сквознячок пушил волосы.

Сержанта бежал к нам, выбрасывая вперед тонкие, как у борзой, ноги:

— Любимые мои, клюковки, ягодки-черешенки, ах, проказники, ах, озорники!

— Вперед! — снова скомандовала Мария-Луиза, и мы скатились в зияющую черноту.

Все обошлось. Царапины и отлетевшие пуговицы не в счет. Из дырок на потолке били тонкие лучики света. Они натыкались на балки и фермы — скелет Гулливера.

По «ребрам» запрыгал лучик фонарика.

— Где вы?.. Ау!.. Отзовитесь, мои хорошие... Аушеньки! Ауньки!.. Аушки!

Сержанта в отверстии, черный силуэт на фоне голубого неба, присел на корточки и поехал вниз.

Мы бежали между колоннами и балками, стараясь не встретиться с жестким железом.

Вокруг нас прыгало пятно фонарика. Круглое, продолговатое. Больше, меньше...

— Пойдите, детки... Куда вы, от папочки?.. Мне и не угнаться... Ах, шустры... Шустры...

Он был совсем рядом. Ноги его, выкидываемые вперед, безошибочно находили точку опоры. Отталкивались и приземлялись. Отталкивались и приземлялись.

Мария-Луиза дернула меня за локоть и утянула в туннель. Сержанта проскочил. Голос его затих вдали...

Мы пошли по туннелю и вышли в огромную пещеру. Что это? Легкие? Желудок?

Раздался грохот мотоциклетных моторов. Ударил свет фар. В жутком реве просвистели мотоциклисты. Хохот перекрывал рев двигателей.

— Темно здесь и грохот сильней,— сказала Мария-Луиза.— Вот они и носятся. Родители им еду сбрасывают. Прямо в люк. На площади «Верхне-башенной». Очень своими неудачными детьми гордятся.

Пещера кончилась, стало совсем темно. Мы шли по скользкому проходу. Со всех сторон капала вода...

Вдали мелькнул огонек. В отсветах свечи — курчавая борода. Рука с кистью, палитра...

Мы приблизились. На ржавом металле — белые снега, огромные снегири, розовые кошки.

— Здесь?! В темноте?! — удивились мы. — Такие картины?

— Краски, — улыбнулся художник. — Они. Проклятые. Мерзкие. Невезучие. Ха-ха... Они... Ха-ха... Не выносят... Ха-ха!!! Света не выносят...

Он поднес к картине свечу... С легким шипением вздулись пузырьки, и кусок картины исчез. Сквозь лапки снегиря проступило железо...

— Ха-ха!.. Видели... А?! А красочки?.. А?.. Краски!.. Красюлечки...

До нас дошло. Светлые разводы — это картины. Все здесь расписано. Везде картины. Они будут здесь. Всегда... И никто никогда не увидит их. Ни один человек!

Нас долго преследовал хохот художника.

Не терпелось выйти наружу, на солнечный свет. Но где выход?! Где?!

...Опять мы шли узким туннелем. Трубы. Трубы. Теперь горизонтальные. Все ниже потолки. Мы идём, согнувшись, почти ползем...

И вот простор, свет. Огромная зала в лучах прожекторов. Бархат кресел. Занавес. Ряды стульев вздыбились вверх. Сцена на потолке. Мы стоим на стене. Из стены торчат лампы, поднимаются вверх полукруг ложи.

— ...эта сцена и этот театр являются собой самый большой недостроенный кукольный театр в мире...

Группа экскурсантов слушает женщину. Широкий балахон скрывает могучие формы тела. При взмахах руки мелькают белые подмышки.

— ...только в третьем веке, у греков, был подобный нашему недостроенный театр. Но тот театр не идет ни в какое сравнение с нашим!

Все дружно расхохотались. «Нашли чем хвастаться», — подумал я.

Женщина-экскурсовод заметила нас:

— Отойдите. Вы не из нашей группы.

Но мы продолжали стоять.

— Отойдите, отойдите! Вы не из нашей группы, отойдите! Отойдите, я прошу вас! Отойдите! Немедленно отойдите! Отойдите! Отойдите!!

Она кричала. Почти дергалась в судорогах.

Мы отошли.

— Не из нашей группы, а тоже... На стене — ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!!

И снова мы шли в поисках выхода. Прямо... налево... направо... прямо...

В глаза ударил свет фонаря.

— Ребятишки, милые... Ах, мои хорошие... Песики, кошечки, кисочки, кисоньки...

Сержант слюнявил нас поцелуями, припечатывал в обе щеки, поглаживал места поцелуев шелковистыми усами:

— Где же, распропасти его душу, выход? Где же, раскряхти его, расчиховость в хвост и гриву, отсюдова? Ох, уж и не выйти нам никогда, ох, уж солнышка не увидеть, папу с мамой, а?!

Мы пошли вместе. Перед нами прыгало пятно фонарика.



В реве и грохоте просвистели мотоциклисты. Сдернули с сержанта фуражку... Хохот...

Окатил ледяной водопад, сбил с ног, потащил по скользкому днищу, тыкая углами, стукая ребрами на изгибах русла, понес все быстрее, стремительней и выкинул в море света и воздуха...

Мы оказались на скалистом выступе. Тучи зацеплялись о волны, раскручивались... Ветер сдувал нас, пытался сбросить вниз, в морскую пучину. Пришлось возвращаться назад.

И опять в грохоте и хохоте проносились мотоциклисты...

Мы шли, поворачивали, пригибались, протискивались.

И снова вышли на свет, дохнуло жаром, мы зажмурились...

Из песка торчал ботинок Гулливера.

Всюду, куда ни глянь, сплошной желтый песок. Захотелось пить.

Мы брели по песку, но он не кончался...

Горизонт в туманном мареве. Кажется, что песок на небе, что он там, в жаркой дали, плавно заворачивал, чтоб окружить нас, чтоб замкнуть навсегда, чтоб мы никогда не выбрались.

И вдруг — будка с газировщицей. Со стеклянными вертикальными трубами и краниками внизу. Из левого медленно выдувалась капля...

Мы подбежали.

Газировщица с пятнами сиропа на халате всплеснула руками:

— Ой, бедняжки! На вас же лица нет! Ой, ой! Вы же помрете на глазах, ой, ой!!!

Дрожащими руками она пыталась налить воду в стакан, но струя ударила мимо. Она еще больше взволновалась. Дернула рычаг — разорвался цилиндр. Нажала кнопку — бабахнул сироп...

— Ой, да что это я так волнуюсь?! Да с чего это меня так, так-так трясет, так?! Так! Так-ха-ха! Ха-ха!

Руки ее продолжали дергать, нажимать, включать...

Через несколько мгновений все было кончено. Груда обломков осталась на месте будки. Песок жадно впитывал последние капли влаги...

И снова мы шли, шли, шли...

И вышли, наконец, прямо в центр города, у фонтана, там, где играл оркестр и кружились в вальсе субботние пары: дамы в белых по-летнему платьях, мужчины в смокингах, матросы, дети. Все дышало цветами и вечерней свежестью. С гор спускался туман. По руслу высохшей реки он накатывал на дамбу, переваливал и полз вниз. Отдельные языки тумана лизали подножие холма Гулливера, откуда и начался наш трагический путь...

— Миленькие мои, друзья-товарищи по беде, в трудную минуту никогда не забыть... Попейте водички, а я отдышусь...

Сержант вынул из кармана бумажник.

— Вот...

Мы пошли к окошечку киоска.



Мария-Луиза кивнула в сторону сержанта:

— Смотри!

Сержант, воровато пригибаясь, шел к телефону-автомату.

Он снял трубку, приблизил лицо к дулу микрофона и заговорил жарким шепотом:

— Алло, барышня? Мне полицию, да... Господина майора мне! Господина майора! Алло?... Не могу громче!.. Что? Не могу, говорю, громче... Они здесь... Что?! Да не могу я громче,— заорал он.— Здесь они, те, которые... Понял, наконец?.. Ах, глухая тетеря! Громче не могу!!

Сержант орал в трубку, крыл дежурного последними словами:

— Ах, зверина-образина!!! Уродина! Гадина! Ах, ублюдок глухой, мерзость глухая!!!

Мы не стали дожидаться окончания разговора...

...Мы идем по набережной. Звучат музыка, смех...

— Легко жить, когда от тебя ничего не зависит,— говорит Мария-Луиза.— Ты неудачник. Такова твоя судьба, твой рок. Смирись. Признай свое бессилие перед судьбой, и сразу станет легко. Можно даже смеяться и петь вместе с другими неудачниками. Да?..

— Да,— сказал я.

— Что — «да»? Чего — «да»?

Ее глаза горели:

— Убирайся!

— Ты чего?

— Ненавижу таких, как ты! Слабаков, слюнтяев. Отваливай!

Раздался душераздирающий крик: за чугунной решеткой разгуливал тигр. Он мирно, по-домашнему облизывал девочку в голубом платице. Девчушка отдергивала руки, орала, лицо ее съехало набор.

Все попрятались за углы, кусты, будочки.

Тигру наконец надоел этот ор. Он поджал уши и пошел обратно, к шатру цирка, около которого стоял трясущийся укротитель.

— Даже тигры у нас ублюдочные,— сказала Мария-Луиза.— Сожрал бы эту уродину, может, подействовало...

Из укрытий весело выходили люди. Они поглаживали девочку по голове. Девчушка хихикала.

Навстречу нам шел сержант. Цепью. Он и штук пять полицейских. Цепь прочесывала набережную.

— Родные. Братья и сестры! — обрадовался сержант.— Ненаглядные мои, золотые, распрекрасные... Опять, опять в догонялочки?

— Нет,— сказала Мария-Луиза.— Не будем.

— Почему?

— Нас здесь нет.

— Как?

— Мы уплыли. Вон на том пароходе.

И Мария-Луиза кивнула в сторону набережной: на паруса, мачты, чаек, гудки, грохот бочек, крики матросов.

От причала отходил пароход.

— Уплыли...— соображал сержант.— Значит, вас нет... Нетушки... А чего ж вы стоите?

— Это не мы.

— А кто?

— Другие...

Сержант соображал, смотрел то на нас, то на пароход, снова на нас... Наконец, он повернулся и побрел прочь.

За ним и другие полицейские...

12. По морям, по волнам

Мы спустились к пристани.

У причала стояла баржа с углем. Моряки вкачивали на нее пианино. Около баржи сутился катер:

— Эй, на барже! Отойдите от причала! Срочно отойдите от причала!

Рядом с баржей покачивался бот. Два парня в одинаковых брезентовых куртках грузили ящики, ведра, сети.

Аппетитно шлепала вода. Солнечные зайчики бежали по обшивке.

— Поплыли,— сказала Мария-Луиза.— Ну их всех! А?..

— Поплыли!

Один из парней отвязал канат, оттолкнул бот и прыгнул на палубу. Бот стал поворачивать носом к линии горизонта...

— Вперед!

Мы прыгнули на корму. Заработал мотор. Поломка воды между кормой и пристанью стала расширяться.

К причалу бежали полицейские:

— Вас нет на том пароходе! Нет! Я проверил список пассажиров. Вернитесь! Я приказываю!

Скоро полицейские слились в одно пятно. В пятне поблескивали кокарды, погоны, стекла очков...

А скоро и пятно растворилось. Лишь башня городской ратуши — красная спичка на фоне холма Гулливера, да серые тучи сверху.

Рыбаки Джек и Джон ничуть не удивились нашему присутствию. Их ничто не могло удивить. Когда и город, и горы ушли за горизонт, они заглушили мотор, расстелили парусину, надвинули на глаза шляпы и улеглись спать.

Море кишело рыбами. Огромные, скользкие, они выпрыгивали из воды, не понимая, почему их не ловят. Не понимали и мы...

— А рыба? Мы не будем ее ловить? — спросил я.

— А зачем нам ее ловить,— улыбнулся из-под шляпы Джон.

— Как «зачем»?

— Так... Зачем нам ловить рыбу? — На этот раз улыбнулся Джек.

— Но вы же рыбаки.

— И что?

— Рыбаки ловят рыбу.

— Здесь нет никакой рыбы. Ты видишь здесь рыбу, Джек?

— Нет.

— И я не вижу.

— Да вы что?! — не выдержал я.— Здесь полно рыбы!

— Вряд ли...

— Честное слово!

— Если и есть одна-две жалкие рыбешки, стоит ли поднимать шум?.. Это не улов, — сказал Джек.

— И потом... Мы неудачники,— сказал Джон.— А она, сволочь, скользкая, хитрая... Так и норовит откусить крючок, порвать сеть... Ну ее к шутам, эту рыбу! Которой все равно нет...

Они захрапели.

Мы взяли удочки, наловили полное ведро рыбы и сварили вкуснейшую уху. Такой ухи я не ел никогда. Ни до, ни после рыбалки...

Потом мы стали загорать. Мария-Луиза накинула на плечи мою рубаху: «Чтоб не обгореть». Я понял, почему она накинула, но не показал вида...

Я смотрел на ее лицо, глаза закрыты — облизнула пересохшие губы, что-то хотела сказать, но передумала, вдруг резко повернулась — голова на локоть! Еле успела подхватить скользнувшую с плеч рубашу:

— Уезжай домой!

— А ты?

— Я здесь живу, а ты уезжай!

— Нет.

— Пожалуйста...

Смотрит на меня зелеными глазами.

— Хочешь, поцелую?

— Не хочу...

Она выдернула локоть и снова растянулась на палубе.

— Приплывем — сразу на электричку. Понял?.. Сразу! Нечего тебе... Ясно?..

Я смотрел на ее профиль... И вдруг из-за профиля выплыл парусник.

— Эй, на боте! — крикнули с парусника. — Кто вы и куда путь держите?!

— А вы кто? — крикнула Мария-Луиза. — Кто вы и куда путь держите?!

— Кто мы?! — захохотал голос. — Сейчас узнаете!

Протрубила труба. На мачте взвился черный флаг... И вот на нас посыпались пираты... Только сыпались они как-то странно... Многие пронеслись на канате мимо палубы и падали за борт... Из воды раздавались крики: «Спасите!», «На помощь!...».

Наконец те, кто умел плавать, спасли тех, кто не умел...

Капитан, с длинной сигаретой в мундштуке, откашлялся, сплюнул торпедой за борт, вытер лицо о низ тельняшки, обнажив исполосованный шрамами живот, то ли от сабель, то ли от аппендицитов, вставил новую сигарету в мундштук, чиркнул спичкой о борт, закурил... Но сначала, перед всем этим, он выскреб из углов кастрюли остатки нашей ухи и съел ее жадно, с пыхтеньем и стонами, под завистливыми взглядами команды... Потом закурил и подмигнул:

— Трое суток не ел... С такой оравой не прокормишься...

Он подошел к человеку в полосатых пижамных штанах и галстук-«бабочке»:

— Эй! Как тебя?

— Сэр Бобильтон, кэп!

— Во-во!.. Бобильтон-шнобильтон... Ты, кажется, врач?..

— Хирург, господин капитан!

— Хи-лург, — передразнил капитан. — Людей резал больше, чем любой пират!

Хирург хохотнул.

Капитан приблизился к унылому брюнету, живот поверх длинных трусов:

— А ты? Как тебя?

— Господин Де-Лякруа...

— Де-ля... Музыкант?!

— Скрипач, господин капитан...

— «Скрипач»... От «скрипов» его повесится можно... Ну, что мне с ними делать?.. Тот вон... археолог... тот инженер... Пожалел, взял на корабль... Неудачников этих... Из бедности и нищеты. Думал людей из них сделать. Куда там...

Капитан пригрозил кулаком:

— Не буду кормить. Не дам сухарей. Сухариков нема! Что?! Не нравится?

Тут Мария-Луиза не выдержала:

— Братцы! Поплыли в город... Пушка у нас есть... Шарахнем! Припугнем... Ну, какие вы не-

удачники?.. Вы просто веру в себя потеряли. Поплыли, а? Начнем жизнь сначала! А?..

Капитан сдвинул брови:

— Что?! А где я людей возьму?.. Если все будут начинать сначала?..

Он дал очередной залп из своего мундштука:

— Кто здесь капитан? Я? Или эта баба?! За борт их, ребята!

Мы пытались сопротивляться, но слишком велико было превосходство противника. Они скрутили нас, раскачали и бросили за борт. С тех пор я долго не мог побороть ненависти к людям, которые из-за своей жалкой, неудачливой жизни готовы пойти на любую подлость.

13. Обитаемый остров

Плавал я неплохо. И море было спокойное. И держало хорошо. Я освободился от рубашки, штанов. Мария-Луиза тоже. Плавала она даже лучше меня. Мы хохотали, не думали о плохом, будто купаемся в Черном море...

И очень быстро из-за горизонта возник островок, и вообще все здесь происходило быстро. Пираты, горизонт, острова... Не как в жизни, а по-другому. Но это я потом понял...

Мы вышли из пены прибоя на песчаный берег. Песок, пальмы, хижина на холме.

— Отвернись! — сказала Мария-Луиза.

Она зашлепала по мокрому песку.

— Можно! — крикнула она чуть погодя.

Теперь она стояла в пальмовых листьях. Как туземка из «Клуба кинопутешественников».

— Сила! — только и сказал я.

Запахло дымком. Мы побежали на дым...

У костра сидел человек.

Когда подошли ближе, узнали мэра. Того самого, который улетел на шаре. Кстати, сам шар огромным одеялом лежал у порога хижины.

Мэр обрадовался встрече. Он прыгал, обнимал нас, хохотал, целовал.

— Ребятки, милые... Спасибочки вам, огромненькое. Что улетел я из этого города. Я теперь, ну, самый счастливый. Ну, вот просто... Ну, такое вам... Просто огромненькое спасибочки... Живу в свое удовольствие... Хозяйство, дом, бананчики... Ну, там: кофечек, прямо с дерева в зернышках, ну, просто, ну, слов нет, как спасибочки... Две козы, творог, сыр, молоко.

И он стал показывать свое хозяйство, двух коз, дом, угостил сметаной, ватрушками, мясом куропаток, банановым вареньем на тростниковом сахаре...

— ...а это... все... там, значит, бумаги... фотографии... ну их... пусть сами, без меня... не хочу, и не просите! Нет!.. Должности высокие... власть. От лукавого все...

Раздались позывные города Неудачников.

— Радио, — сказал мэр, — с шара приволок. Слушаю всю эту чертовщину. Хохочу — до смерти. Умираю как смешно... «Лучший город, единственный в мире...» Ложь! Ерунда на подсолнечном масле... Гордиться нечем — вот и придумали... Чтоб одни неудачники другими командовали...

Приемник стоял на ящике в тени пальмы. Из него доносились звуки траурного марша. Я так привык, что все совершается там весело, с шутками...

«...сегодня, — раздался сквозь треск эфира скорбный голос, — мы провожаем в последний путь нашего великого современника генерала Уилсона... Генерал прожил большую и огромную жизнь...

Ему не везло... Герой битвы при Лотреке доживал свои дни в бедности и нищете... Он был не просто неудачник, а Неудачник с большой буквы! Выдающийся неудачник нашего времени! Улыбнемся, друзья, в эту тяжелую минуту. Пусть везде расцветают улыбки...

Звуки траурного марша перешли в легкий вальсок.

«Слово — племяннику генерала. Многие годы он делил с ним все неудачи...»

Мы услышали до противности знакомый голос:

«...друзья, близкие... Я не племянник генерала, я... я его дядя».

Раздался гул недоумения, и племянник стал рассказывать историю, хорошо знакомую мне по рассказу Марка Твена... Как человек стал дядей самому себе.

«...и теперь, как дядя... как дядя своего горячо любимого племянника... по совпадению, генерала... я хочу сказать... Мой племянник был генерал... Боевой генерал... Кто же тогда я, его дядя? Который руководил всеми его действиями?»

Раздались крики:

«Полковник!»

«Контр-адмирал!»

«Маршал!»

«Нет,— сказал племянник,— нет, друзья...»

Он выдержал паузу:

«Я ваш новый мэр... И... в эту тяжелую минуту... Я говорю вам всем. И себе тоже... Хватит неудач! Хватит! Мы должны сделать нашу неудачливую жизнь еще счастливей! Счастливей всех на земле».

— Этого нельзя допустить,— сказала Мария-Луиза.

— А-а,— махнул рукой бывший мэр.— Бросьте. Жизнь не переделаешь. Просто еще одному захотелось покомандовать. Плюньте. Слюной. Вот так...

И он сплюнул.

— Это подло, а потому неправильно,— сказала Мария-Луиза.

Мэр ткнул пальцем в небо:

— Когда я был там... на воздушном шаре, я поклялся... Если останусь жив. Если не окажусь еще выше. Вы понимаете?! И должность, и деньги, все! Все — к черту! И вы знаете? Я счастлив. Впервые в жизни. И я...

Мэр оглянулся по сторонам, как будто кто-то мог нас подслушать.

— И я... Я не считаю себя больше неудачником...

Он визгливо засмеялся, подпрыгнул, посмотрел направо-налево и бросился бежать прочь. Все время оглядываясь, бросаясь в разные стороны, будто по нему стреляли...

14. Полет на воздушном шаре

Мы выбрали из бочки обруч. Вставили обруч в горловину воздушного шара. Подвесили оболочку шара на дерево отверстием вниз. Развели под горловиной костер. Оболочка наполнилась горячим воздухом, с треском распрямлялись швы, разглаживались складки. Места, где выходил воздух, мы промазали смолой от пальмы. Шар рвался вверх... Его держала только веревка...

— Должны долететь,— сказал я.

Мы залезли в корзину, отрезали веревку.

Шар устремился в небо.

И опять все произошло быстро.





Быстро скрылся остров, быстро приблизился горизонт, быстро возник город...

Мы приземлились в окрестностях города, неподалеку от харчевни.

Трактирщик встретил нас сдержанно, с достоинством. И куда только делись его разухабистость и бесшабашность!

— Милости просим... пожалуйста... сию секунду...

Мы с Марией-Луизой переглянулись...

В трактире было немного народу. Все сидели сосредоточенные, молчаливые... Официанты не вступали в разговоры с посетителями, носили на подносах еду.

— Что случилось? — спросил я официанта.

— Как? Вы не знаете?.. У нас больше не осталось ни одного неудачника!!

— Что?

— Наш город переименовали! Да! Теперь он называется город Удачников!

Официант поставил на столик керамическую посудину. Мария-Луиза разлила половником суп. Я попробовал и — поперхнулся. Суп совсем не отличался от того, который был раньше.

— Жуть!

К нам подошел хозяин:

— Что вы сказали?

— Жуть! Это нельзя есть!

— Вы это серьезно?!

Посетители с испугом смотрели на нас.

— Да!

— Вы что? Без смеха... Вам что, действительно не нравится?

— Как может нравиться эта отрава?!

— Вы думаете, что говорите?! У нас очень вкусно готовят. Я могу дать книгу благодарностей... Всем нравится, всем, всем... Это раньше, в те времена, когда мы были неудачниками, тогда, возможно, плохо было и готовили плохо, но теперь, когда это все прошло...

— Склочники! — закричал человек в свитере. — Сами лопали за обе щеки... Я видел...

— Кто лопал? Мы?!

Мария-Луиза пошла на обидчика. Официант преградил ей дорогу. Она оттолкнула его, он упал, опрокинул поднос. Другой официант бросился товарищу на помощь. Я подставил ему ножку...

Кто-то взял меня за грудь... Это был трактирщик... Я воспарил в воздух... Затем птицей пролетел в самый дальний конец зала, прошиб дверь... На меня посыпались банки, коробки... Сверху полилось что-то противное, липкое... Яркого-желтого цвета...

Я приподнялся, чтобы ринуться в бой...

И получил жуткий удар по голове.

15. «У вас желтуха, милостивый государь!»

Когда я очнулся, то понял, что нахожусь в больничной палате. Напротив лежал мужчина в сером халате. Он смотрел на меня с состраданием:

— Ну наконец... А то все без сознания, без сознания... Эка вас угораздило...

Память стала возвращаться ко мне. Я вспомнил, как все случилось и почему оказался здесь. Голова раскалывалась.

— Здорово меня огрели...

Я ощупал голову. Проломов и дырок в черепе не обнаружил.

— Кажется, череп цел.

— А при чем тут череп? — спросил сосед.

— При том, что по нему ударили...

— Опять вы бредите... То море, то остров... А теперь вот — «ударили».

— Не брежу я...

— Да вы знаете, где мы находимся?! В инфекционном отделении... У вас желтуха, милостивый государь... И у меня тоже!

— Какая желтуха! Ой...

Опять жутко схватило голову. Сосед сочувственно вздохнул.

— Когда вас сюда привезли, вы весь желтый были. С головы до ног...

Я вспомнил, как во время драки на меня вылилась краска:

— Это краска была! Краска!

— Краска? Вы знаете, очень может быть... Я и сам, честно говоря, засомневался... Я, честно говоря, и в своей желтухе не очень уверен. И меня положили с этим диагнозом. А пальцы у меня желтые от курева... У меня, честно говоря, поясница болит, встать не могу... Но врачам виднее...

Сосед внимательно посмотрел на меня.

— Врачи у нас золото! Лечат — как нигде! Если не помрем, то выздоровеем. Обязательно, милостивый государь.

Дверь открылась, и в палату вошли люди в белых халатах. Во главе шел уверенный в себе мужчина лет сорока, светлоглазый, белозубый, в красивом костюме, проглядывающем в разрезе халата.

— О! Наш больной пошел на поправку... Вот и чудненько... Как у него стул?

Это он обратился к медицинской сестре и, не дождавшись ответа, продолжил:

— Теперь — диета, диета и еще раз диета... Кашки, сухарики, и вставать, дорогой. Ни в коем случае не залеживаться... Вы уже заметно побледнели, не то что в начальной стадии...

— У меня — голова, — чуть слышно сказал я. — Меня... по голове... все кружится...

— Вот именно... Нельзя, нельзя залеживаться... Давайте-ка встанем... Да, да! Прямо сейчас!

Он повернулся к свите:

— Интенсивное лечение, гимнастика... Больной должен верить в себя!

Свита закивала.

— Я не могу. Все кружится!!!

— Да вы что, миленький! Сговорились?.. Да у вас тут в палате — заговор... Этот не может... а теперь и этот... Приказываю встать!.. И вам — тоже! — Он посмотрел на соседа...

Сосед испуганно встал с постели, но вдруг схватился за поясницу и повалился.

Я тоже потерял сознание.

16. Звездочет и его гороскоп

Не знаю, чем бы кончилось мое пребывание в больнице, если б не Мария-Луиза. Она выкрала меня.

Мы поселились у звездочета, в домике на склоне горы. Аккуратном, белом домике, в цветах, с плоской крышей. На крыше стоял хроменький телескоп





Звездочет часами смотрел на небо, что-то писал в широком блокноте.

Очевидно, звезды не предвещали ничего хорошего. Звездочет ходил печальный, свесив кисточку своего колпака.

Как-то к звездочету пришел главный архитектор. Мы были в соседней комнате и хорошо слышали весь разговор.

— Готов гороскоп? — спросил архитектор.

— Готов!

— И что?

— Расположение звезд в небе в настоящее время не благоприятствует поднятию Гулливера.

— Что?! — вскипел архитектор. — Все только и ждут сигнала. Все бумаги подписаны, все люди назначены. А ты... Может, ты не веришь в нашу победу?!

— Но гороскоп...

— Какой еще гороскоп?.. Бери перо, бумагу. Сейчас мы мигом все звезды перетасуем... — Он прошелся по комнате, хрустя новенькими сапогами. — Значит, так... пиши... Звезды обещают нам скорую победу! Созвездие Легавых псов...

— Гончих!

— Пусть так... Созвездие Гончих псов... никогда еще не светило так ярко... О чем говорит нам его яркость?.. Я тебя спрашиваю?

— Не знаю.

— Оно говорит, что подъем надо начинать на рассвете!.. Говорит или не говорит?..

— Говорит...

— Вот и хорошо. Какая там звезда удачу обещает?

— Полярная.

— Видишь ее?

— Нет.

— А ты получше посмотри.

— Не вижу.

— Да, — вздохнул архитектор. — Старый совсем. Пора, видно, уступить дорогу тем, кто позорче.

— Вижу! — вдруг закричал звездочет. — Честное слово, вижу...

— Ладно. Поверим на слово. Ну, пиши, раз видишь. Молодец! Теперь — подпись, число... Что ты мне бумагу суешь? Твоя подпись. Ты же гороскоп составлял...

Архитектор взял листок бумаги и вышел.

Этой же ночью звездочет поломал свой телескоп и ушел из дома. Больше мы его никогда не видели...

17. Большие перемены

В нашей жизни произошли перемены.

Марию-Луизу наградили орденом. Самым большим — «Орденом Удачника». Золотая лепешка на оранжевой ленте. На лепешке — изображение трехглавого орла, символа города Удачников, вокруг орла надпись: «Иначе вам удачи не видать». Это — с лицевой стороны. А с обратной — холм со стоящим в полный рост Гулливером.

Мы очень веселились. Оказывается, Мария-Луиза совершила геройский поступок: перерубила канат, избавила город от ненавистного мэра... В мэре, оказывается, и была причина всех неудач.

Марию-Луизу поселили в доме для почетных жителей города. Сначала она не хотела переезжать, нам было хорошо и у звездочета. Но, когда за ней приехала карета, она прокатилась на ней, а потом в этом доме поела всяких вкусных вещей,

вплоть до взбитых сливок. Не тех скисших сливок, которые продавались в киосках, а совсем других, легких и пушистых, — вот-вот улетят.

Она сказала:

— Знаешь, Вася... Все это, конечно, чушь собачья... Но жить так можно...

С тех пор мы не виделись. То есть я ее видел, а она меня — нет... Она проносилась верхом на серой лошади, чуть подпрыгивая в седле, далекая и красивая. Однажды мы встретились на опушке леса. В ответ на мои шутки она взглянула в упор зелеными глазами:

— Эх, Вася... Ты многое недопонимаешь.

Я стал спорить, но она расхохоталась.

...Она хохочет надо мной, откинувшись в седле, шляпа скользит по тугим волосам, она подхватывает ее на лету, когда, кувыркнувшись и зачерпнув воздух, шляпа падает вниз, тяжелая и безнадёжная...

18. Поднятие Гулливера

В городе между тем готовились к праздничной церемонии — поднятию Гулливера. Его очистили от ржавчины, надраили. Он лежал, новенький и блестящий, как юбилейный рубль, в переплетении тросов и канатов. И вот наступил долгожданный день...

С утра в городе звучала музыка.

Я шел по вымытым улочкам, мимо украшенных гирляндами домов, вверх, к холму Гулливера.

— Вася...

Я оглянулся.

Мария-Луиза, без ордена, совсем как раньше, стояла и смотрела на меня.

— Вася... Прости меня, дуру...

Все внутри у меня перевернулось. Мне захотелось обнять ее, такую родную, почти как маму...

— Да ладно тебе, — сказал я.

— Я от них ушла, Вася... Они такие дураки...

— Да ладно...

— Нет. Так нельзя. Уедем? А? Вася?

— Уедем...

Мимо нас бежали люди. Все торопились поближе к холму. Туда, где должна была состояться церемония...

— Не пойдем туда. Давай отсюда, Вася...

Мы встали рядом с будочкой газировщицы. Подъехал на лошади мушкетер, достал из кармана яблоко, разрезал кинжалом на дольки и стал тупо жевать. Остановился парень. Закурил трубку, помахал, разгоняя дым, и тоже устался на холм.

Честно говоря, я больше смотрел на Марию-Луизу, а не на холм... Поэтому, когда раздался восторженный крик, я лишь мельком увидел, что Гулливер стал подниматься. Ноги его еще были на земле, а голова поднималась все выше. А я смотрел, смотрел. Снова все закричали... Гулливер твердо стоял на ногах... Неужели город действительно стал городом Удачников...

И вдруг... Лопнул бетон постамента, вздыбились камни... Гулливер стал медленно проседать... Сначала в землю ушли ботинки... затем — чулки... Вот он вошел в холм уже по колено...

Волнь ужаса пронесся над толпой. Огромная тысячетонная скульптура уходила в землю. Легко и свободно. Лукаво улыбаясь многотысячным зрителям. И не было никаких сомнений: еще несколько секунд, и земля навсегда скроет своего героя.

Но тут что-то произошло. Гулливер на мгновение застыл. Затем раздался грохот — Гулливер даже чуть подпрыгнул вверх, и вот из холма, из того места, куда уходили его ноги, вздыбился поток воды. Поток доходил Гулливеру до пояса и низвергался вниз, в пене и реве, все сметая на своем пути — фонари, газетные киоски, машины.

И вот он устремился на город.

Я так и не знаю, что произошло. Возможно, Гулливер своей тяжестью продавил водяной пласт и вода из водохранилища, расположенного выше, по закону сообщающихся сосудов хлынула вниз, на город...

Поток катил на нас, желтый, в лиловой пене. Как сейчас помню лошадей и телегу, кувыркающихся на гребне волны. Оглобли треснули, но звука не было слышно, в какой-то момент лошадей оседлала телега, потом телега перевернулась, крутились колеса, но вот и они скрылись, а на их месте выпрыгнул из воды хомут...

Мария-Луиза метнулась к мушкетеру. Он тупо смотрел на происходящее и жевал яблоко.

— Надо открыть шлюз!

Я понял, что она имеет в виду. Если открыть шлюз и спустить воду, уровень понизится, и можно избежать катастрофы.

Это понял я. Но мушкетер продолжал жевать яблоко.

Мария-Луиза дернула его за сапог, он слетел с коня. Она вскочила в седло. И вот уже понеслась в сторону шлюза...

Больше я ее никогда не видел...

Через некоторое время нас всех накрыла волна... Всех... И тех, кто бежал... и тех, кто молча ожидал ее приближения.

19. Возвращение

...Когда я открыл глаза и вдохнул полной грудью — кругом было море. Я лежал на железнодорожной насыпи, отчаянно пахли шпалы...

На фоне неба в разные стороны торчали усы начальника станции. Увидев, что пришел в себя, он подмигнул:

— В вагон! Быстро!

В нескольких метрах от нас стояла электричка. Она давала тревожные гудки...

Я взглянул на город. Крыши домов, башни — все усеяно людьми... По воде плыли лодки, самодельные плоты... собаки...

— Где Мария-Луиза?!

— В вагон! Я кому сказал, в вагон?! В вагон! В вагон! В вагон, я сказал! Я сказал, в вагон!

— Нет!

— В вагон!!

Он свистнул в свисток.

Появились грузчики-негры.

Они схватили меня, скрутили и, несмотря на отчаянное сопротивление, потащили к электричке. Размахнулись и бросили, как мешок, в открытую дверь.

Подо мной застучали колеса, электричка тронулась...

Когда я подбежал к окну, по воде плясали солнечные блики. Не видно было ни города, ни крыш — одно огромное бесконечное море...

Стало темно, поезд вошел в туннель. Зажглись лампочки... Потом они погасли. Снова забрезжил свет... ярче... ярче... Мы выскочили из туннеля.

20. «Это подло, а потому неправильно»

Когда я вернулся домой, был уже поздний вечер.

— Где тебя носило? — спросил отец. — Нет чтоб попросить у отца и матери извинения, он еще нервы мотает. Мало без него забот...

— Садись ужинать, — сказала мать. — Бери колбасу, картошку...

Она повернулась к отцу.

— Хватит.

— Хватит так хватит, — сказал отец. — Тебе с ним мучиться.

В сахарнице лежали белые рафинадные кубики. Очевидно, соль из нее высыпали за время моего отсутствия.

Отец поймал мой взгляд, отвернулся и сказал:

— Вырастет, как дядя... коммивояжер!

И засмеялся собственной шутке, смысл которой я понял много лет позднее.

Он смеялся, а я в ту минуту поклялся: «Нет. Никогда я не стану коммивояжером. Лучше умереть. Погибну, но не буду. Никогда не буду коммивояжером...»

Я заплакал.

— Что это с ним? — перестал смеяться отец.

Я продолжал плакать.

— Что это с ним? — переспросил отец.

«Не буду коммивояжером. Нет... Умру, но не буду... Никогда... Это подло, а потому неправильно...»

21. Вот и все

Не знаю, зачем я сочинил эту историю. Ведь не было ничего. Ни города, ни холма Гулливера. Был только диван под обойным пятном, где так хорошо мечталось в детстве...

Я спускаюсь вниз, по Старосадскому переулку, где зимой буксовали «студебекеры», выли от злости, но так и не могли взять крутизну московских подъемов, где после салютов валялись цветные пятячки от гильз, где носились мы на деревянных самокатах и «стукали» в нарисованные на стене футбольные ворота...

Здесь мало что изменилось со времен моего детства, вот только церквушки не прячутся за заборами, а сияют золотыми крестами. Да возвышаются над старенькими домиками огромные бетонные билдинги.

Мой дом заколочен. Окна без рам, вывороченные внутренности — капитальный ремонт.

Я иду к площади Ногина...

Навстречу мне бежит девчонка в модной шляпке. Она стреляет из-под полей шляпы зелеными глазами...

И я вспоминаю все... И дачный перрон с прогнившими досками, и смешного человечка в мотоциклетном седле, и город, и холм Гулливера...

И еще раз понимаю, что все это было! Было! А тот, кто не верит, может сам в этом убедиться. Для этого надо отправиться на вокзал, купить билет и поехать первым попавшимся поездом до станции «Неудачники».

...Она хохочет надо мной, откинувшись в седле, шляпа скользит по тугим волосам, она подхватывает ее на лету, когда, кувыркнувшись и зачерпнув воздух, шляпа падает вниз, тяжелая и ненадежная...